
Век минувший

Н. ДВОРЦОВА

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

(О литературной репутации Михаила Пришвина)

Имя Михаила Пришвина существует в русской литературе на протяжении почти всего XX столетия. Войдя в литературу серебряного века, Пришвин становится признанным советским писателем, который во времена постсоветские приобретает репутацию неоткрытого и неизвестного благодаря своему уникальному Дневнику (1905—1954), представшему перед читателями как подробнейшая летопись русской жизни первой половины XX века.

Задача этой статьи — проследить «логику» литературной судьбы Пришвина, осмыслить, как его творчество существует в сознании соотечественников в досоветский, советский и постсоветский периоды. При этом я опираюсь на сформулированную еще И. Н. Розановым идею о том, что при изучении литературной репутации писателя важен факт несоответствия научного (литературоведческого) представления о его творчестве и реального функционирования его произведений в культуре, масштабов его дарования и читательских мнений о нем¹.

---

¹ Розанов И. Н. Литературные репутации. М., 1990. См. также: Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М., 1994; Берг М. Литературократия. М., 2000; Дубин Б. Слово—письмо—литература. М., 2001; Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. М., 2001 и др.

К 1917 году Пришвин был автором четырех книг, цикла рассказов, впоследствии названного ремизовским, трехтомного собрания сочинений. Он активно работал как журналист, в том числе и военный корреспондент (газеты «Русские ведомости», «Речь» и др.)². В этом у него был прекрасный образец — В. В. Розанов. Пришвин, кроме того, издал несколько агрономических книг и сборник записанных на Севере сказок (1909). За плечами у него было увлечение марксизмом (1890-е — нач. 1900-х годов), учеба в Германии (1900—1902), «переворот от революции к себе» (начало 1900-х). В 1902 году он встретит В. П. Измалкову, о которой напишет в «Кашеевой цепи», «Жень-шене», «Фацелии». В 1903 году Пришвин женится на Е. П. Смогалевой. В это время он совершает пять путешествий: на Север (1906, 1907), к Светлому озеру (1908), в Сибирь (1909), в Крым (1913).

Первый рассказ Пришвина опубликован в 1906 году, когда автору было 33 года. На первую книгу писателя «В краю непуганых птиц» (1907) в течение года появилось четыре отклика. Вторую книгу — «За волшебным колобком» (1908) — в разговоре с автором будет хвалить В. В. Розанов³. Третья книга — «У стен града невидимого» (1909) — замечена А. Блоком, а Д. Мережковский посвятил ей целую статью «Расколовшийся колокол». «Книга замечательная — в своем роде единственная», — пишет Д. Мережковский, отметив «новое, небывалое» в хождении автора в народ⁴. Высокую оценку очерка «Черный араб» (1910) дал М. Горький («Вот как надо писать путевое, мимо идущее»⁵).

В 1907 году Пришвин знакомится с А. Ремизовым, впоследствии гордившимся тем, что на его долю выпала честь направить руку писателя в трудной работе над словом⁶. Пришвин входит в круг писателей ремизовской школы: И. Соколов-Микитов, В. Шишков, Е. Замятин, А. Толстой, Л. Леонов. В 1908 году Пришвин знакомится с Д. Мережковским, становится членом Петербургского религиозно-философского

² «Публицистом старой маститой литературной газеты» назовет Пришвина Р. Иванов-Разумник (*Иванов-Разумник Р. Творчество и критика*. Пб., 1922. С. 7).

³ *Пришвин М. М.* Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. Дневники. 1905—1954. М., 1986. С. 60.

⁴ *Мережковский Д.* Расколовшийся колокол // *Русское слово*. 1909. 16 дек. С. 2.

⁵ *Горький М.* Собр. соч. в 30 тт. Т. 29. М., 1949—1955. С. 140.

⁶ *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак // *Ремизов А.* Огонь вещей. М., 1989. С. 481.

общества, усердно посещает его заседания. В 1908—1909 годах он переживает свой «петербургский роман с Розановым».

Трудно не назвать такое начало литературной деятельности успешным, если не блестящим. Нельзя не констатировать также тот факт, что в начале литературной деятельности Пришвину было даровано «признание посвященных».

В это же время Пришвину выпала еще одна удача — встретить своего критика. В 1911 году появляется статья Р. Иванова-Разумника «Великий Пан», которой суждено было сыграть важнейшую роль в литературной судьбе писателя. В ней впервые сформулировано то, что будет признано всеми критиками 1910-х годов: «М. Пришвин — крупный, сформировавшийся, цельный художник <...> У него есть своя выработанная форма, свой стиль»⁷.

Вместе с тем Иванов-Разумник отмечает противоречивость творческой личности Пришвина: «почтенный этнограф, объективный исследователь народной жизни» соединяется в нем с лириком, «чутким и тонким художником, может быть, субъективнейшим из всех современных». Главное же, Иванов-Разумник обозначил тему Пришвина, которая станет доминантой его творчества. Он увидел в его произведениях «великую литургию природы» и назвал Пришвина «призванным бардом светлого бога Великого Пана»⁸, надолго (может быть, навсегда) определив репутацию Пришвина как писателя, пишущего о природе. Сам Пришвин называл эту свою роль «служением в скромной должности хранителя ризы земли».

В разные эпохи эта черта Пришвина-художника будет называться и оцениваться по-разному. Бесчеловечным писателем, как известно, назовет Пришвина З. Н. Гиппиус⁹. Н. Замошкин создаст формулу «писатель-Берендей», а большинство советских критиков будут сурово отчитывать его за «бегство от живых людей» в Берендеево царство¹⁰. К. Янович-Страда, профессор Венецианского университета, в одном из самых фундаментальных трудов западных славистов о серебряном

---

⁷ Иванов-Разумник Р. Указ. соч. С. 27.

⁸ Там же.

⁹ В статье «Литераторы и литература» З. Гиппиус рассматривает Пришвина в ряду писателей «природных» и «народных» и подчеркивает, что «его "бессодержательность" (нетенденциозность. — Н. Д.) особенно откровенна; при обычной яркости и образности языка, при всей художественности его описаний он сам до последней степени отсутствует; и это делает его очерки или дикими от бессмыслия, или просто-напросто этнографическими» (*Крайний А. Литераторы и литература // Русская мысль. 1912. № 5. С. 28*).

¹⁰ *Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная новь. 1930. № 9-10. С. 221.*

веке русской литературы (1987) назовет Пришвина «великим писателем-экологом»¹¹.

Р. Иванов-Разумник констатировал, кроме того, еще один примечательный факт: «подлинный художник, милостию Божией поэт», Пришвин почти никому не известен, незаслуженно неизвестен, с точки зрения критика¹².

Важнейшим событием в литературной судьбе Пришвина стал выход в свет в 1912—1914 годах в горьковском «Знании» трехтомного собрания сочинений писателя, значительно расширивший круг его читателей и включивший его в новый литературный контекст писателей-знаньевцев, реалистов, от И. Шмелева до А. Куприна и И. Бунина.

В 1912 году, когда вышел первый том собрания сочинений, о Пришвине появилось восемь статей, авторы которых представляли все основные направления русской критики начала XX века: эстетическую, импрессионистскую (Ю. Айхенвальд), символистскую (А. Крайний), марксистскую (В. Львов-Рогачевский). Общим местом в критической топике становится формула «Пришвин — новый талант, у него свое лицо, свой стиль, свое восприятие мира» (Львов-Рогачевский)¹³.

Были, безусловно, отрицательные оценки. Е. Колтоновская, например, в рецензии на первый том собрания сочинений Пришвина, озаглавленной «Этнограф-поэт» (стереотип, пущенный в критический оборот Ивановым-Разумником), говоря о талантливости автора и своеобразии его «писательской физиономии», пишет о «неприятном налете искусственности и вычурности» в «содержательной книжке»¹⁴. Однако отрицательные оценки — необходимое условие известности и славы: уже в Древнем Риме, как отмечает И. Н. Розанов, «для полноты торжества нужно было, чтобы за триумфальной колесницей бежал клеветник»¹⁵.

Важно отметить, что критика 1910-х годов рассматривает произведения М. Пришвина в контексте творчества К. Гамсуна, В. Розанова, А. Ремизова, Ф. Сологуба — крупнейших писателей начала XX века.

Подводя итоги, подчеркнем следующее.

«Перед мировой катастрофой», как Пришвин назовет Первую мировую войну и революцию, он живет в неустойчивом

---

¹¹ История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Ж. Нива. М., 1995. С. 318.

¹² Иванов-Разумник Р. Указ. соч. С. 25, 48.

¹³ Львов-Рогачевский В. Михаил Пришвин. Рассказы // Современный мир. 1912. № 2. С. 335.

¹⁴ Колтоновская Е. Этнограф-поэт // Речь. 1912. № 42. С. 3.

¹⁵ Розанов И. Н. Указ. соч. С. 47.

равновесии между декадентами, символистами и реалистами, не присоединяется ни к одной литературной школе, не встает ни в один литературный ряд («в ряду стоять легче», — скажет он позднее). В этом просматриваются истоки последовательно выстраиваемой Пришвиным в советские годы репутации «экстерриториального писателя». Пришвин определяет успех писателя «по гамбургскому счету» и уверен в правоте Мережковского, связывающего популярность писателя с ситуацией «что пошло, то пошло». Вместе с тем «сокровенным желанием» Пришвина, как он скажет впоследствии (Дневник. 23.01.1934), было «завоевать широкого читателя». Как когда-то Пушкин, первый профессиональный писатель в России, как «самый близкий» ему человек В. В. Розанов, Пришвин «пишет для себя, а печатает для денег»¹⁶.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ПРИШВИНА — СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Репутация Пришвина — советского писателя принципиально отличается от его репутации в начале XX века. В советское время исчезает представление о его связях с религиозно-философской традицией русской культуры. Имена В. Розанова, Д. Мережковского, А. Ремизова останутся лишь на страницах его потаенного Дневника. Связи Пришвина с символистами будут предметом критики и поводом к осуждению его как «эпигона символизма»¹⁷. Все то, что соединяло Пришвина с культурой серебряного века, будет названо «грузом заблуждений»¹⁸. Из писателей, значимых в его судьбе в начале XX века, останется лишь М. Горький, статьи и письма которого будут для Пришвина своего рода охранной грамотой. Иронически осмысляя эту ситуацию, Пришвин с горечью напишет по этому поводу: «М. Пришвин им. (имени. — Н. Д.) Горького» (Дневник. 20.10.1932).

Вместе с тем сохранится и приобретет новое качество репутация Пришвина как создателя «литературы о Пане».

У советского писателя, как пишет М. Берг¹⁹, было три основных стратегии успеха: в рамках официальной, неофициальной и эмигрантской литературы. Кроме того, достаточно распространены были так называемая «двойная бухгалтерия

---

¹⁶ Берг М. Гамбургский счет // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 110.

¹⁷ Григорьев М. Бегство в Берендеево царство // На литературном посту. 1930. № 8. С. 50.

¹⁸ Смирнов Н. П. Михаил Пришвин. М.—Л., 1953. С. 17.

¹⁹ Берг М. Литературократия. М., 2000. С. 243—250.

успеха», когда писатель опирался на две стратегии (в границах официальной и неофициальной литературы), и ситуация «постоянного присутствия на границе» различных стратегий.

Писательская стратегия Пришвина определилась в 1922 году, когда ему не удалось опубликовать «Мирскую чашу». В письме к Л. Троцкому он писал о своей новой повести: «За границей я ее печатать не хочу, так как в той обстановке она будет неверно понята и весь смысл моего упорного безвыездного тяжкого бытия среди русского народа пропадет»²⁰. В Дневнике 1922 года читаем: «...понял, что я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи, потому что мне видны только страдания бедных людей»²¹.

Таким образом, очевидно, что Пришвин ясно осознавал наличие трех возможностей писательского существования и выбрал жизнь в рамках официальной литературы с одновременным существованием в границах литературы неофициальной. Очевидно, что необходимо говорить и о двух репутациях Пришвина-писателя — официальной и неофициальной.

В русле литературы неофициальной Пришвин предстает как автор не только «Мирской чаши», но и важнейших произведений 1940—1950-х годов: «Повесть нашего времени», «Осударева дорога», «Корабельная чаша», «Глаза земли», «Мы с тобой», «Незабудки». Объем неопубликованного Пришвина, связанного с традицией философской (религиозно-философской) прозы, будет, таким образом, возрастать от 1920-х к 1950-м годам. В этом же русле существует Пришвин — автор уникального Дневника (1905—1954), публикация которого началась уже после кончины писателя. Благодаря этим произведениям начиная с 1950-х годов будет складываться репутация Пришвина как писателя «неоткрытого», «неизвестного», «неопубликованного».

Творчество Пришвина как писателя, существующего в рамках официальной советской литературы, многоуровнево. Оно включает в себя, во-первых, лучшие произведения философской прозы Пришвина: «Кашеева цепь», «Журавлиная родина», «Жень-шень», «Календарь природы», «Лесная капель». Во-вторых, «литературу о Пане», представленную в произведениях малых жанров (рассказ, сказ, быль, очерк и др.), связанных с темами охоты, природы, путешествий. В-третьих, произведения Пришвина — детского писателя, со-

---

²⁰ Пришвин М. Мирская чаша. М., 1990. С. 19.

²¹ Пришвин М. Дневники. 1920—1922. М., 1995. С. 267.

здание которых сам он называл «службой ребенку» (Дневник. 19.11.1937). В-четвертых, производственные очерки, от «Торфа», «Башмаков» до «Соболя», «Голубых песцов», «Оленя-цветка», книги «В краю непуганых птиц: Онего-Беломорский край».

Хотелось бы подчеркнуть очевидное: во всех этих произведениях по-новому и на новом уровне в рамках советской литературы раскрылось дарование Пришвина — художника, названного Р. Ивановым-Разумником «призванным бардом Великого Пана». Пришвин освоил новые для себя жанры философского романа, повести, охотничьего и детского рассказа, создал свои, уникальные жанровые образования, такие, как «книга бытия» «Календарь природы», дневниковая книга «Лесная капель».

В 1920-е годы философская проза Пришвина («Кашеева цепь», «Журавлиная родина»), очевидно, была воспринята новым, советским читателем и критикой наименее адекватно. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи: «Сдал “Журавлиную родину” и охватила тоска: очень уж трудно работать без отклика, а об откликах умных и думать нечего, лишь бы только хулы не нажить» (5.06.1929). «Положение с критикой невыносимое, чувствуешь себя заживо похороненным» (12.06.1929).

1925 год можно считать годом вхождения Пришвина в пространство советской литературы. В этом году была опубликована книга «служебных», по словам писателя, очерков «Башмаки», сборник детских рассказов «Матрешка в картошке», книга охотничьих рассказов «Смертный пробег», двухтомник рассказов писателя, в котором в основных чертах сложилась модель всех трех его прижизненных собраний сочинений. В двухтомнике, включающем «Черного араба», рассказы ремизовского цикла, охотничьи рассказы, Пришвин впервые в советской литературе и уже надолго предстанет в образе писателя, пишущего о природе, охоте и путешествиях. В Дневнике Пришвин скажет об этом: «Моя литература есть вызов художника — пусть грачи, но я художник» (23.10.1932).

В 1925 году, по сути, определилась в главных чертах структура творчества Пришвина — советского писателя и сложились две линии его поведения в советское время. Суть его можно понять, например, из следующих дневниковых записей: «Надо так скомбинировать обстоятельства, чтобы возможно было писать большой роман — это единственный путь сохранить себя» (27.11.1924). «Вопрос ставится так: писать роман или свести все к ремеслу» (30.11.1924).

Двум линиям поведения Пришвина соответствуют два направления его творчества в рамках официальной литературы. Первое — сохранение себя как художника, попытка быть художником «до конца», когда «литература просто рассыпалась» (Дневник. 21.09.1924), а писатели превращаются в «крепостных» и «придворных». Это направление связано с созданием рассказов о природе, охоте, путешествиях, а также детских рассказов и философской прозы. Оно максимально близко к творчеству Пришвина в рамках неофициальной литературы.

Второе направление — ремесло журналиста, продолжающее опыт его журналистской деятельности в начале XX века. Пришвин называл его «охотой за червонцами». Оно связано прежде всего с созданием производственных очерков, важнейшего жанра советской литературы. Для Пришвина, очевидно, это был трудный опыт существования на границе литературы свободной и «крепостной». Об этом, в частности, свидетельствуют авторские оценки очерка «Башмаки», который в первом издании имел подзаголовок «исследование журналиста». По словам Пришвина, исследование родилось «из боязни продавать свое святое: выходом была корреспонденция, а чтобы преодолеть корреспонденцию, пустился в исследование (задорные книжки)» (Дневник. 4.11.1925).

Задор писателя приводит к тому, что «Башмаки» возникают не просто как журналистский опус и даже не как обычный для Пришвина «служебный» очерк; в них он решает новую для себя писательскую задачу: увидеть и воссоздать художественно лицо целого края, единый поток жизни человека, истории, природы. В очерке, кроме того, Пришвин высказывает ряд своих заветных мыслей, в частности об образе Всего человека. Подходя к очерку с этой точки зрения, Пришвин пишет о нем: «Книга “Башмаки”, к удивлению моему, вышла прекрасная <...> на трех листах изображен целый край»²².

В «Башмаках» вместе с тем есть ряд фрагментов текста (Т. 3. С. 472, 480, 486, 487), выполняющих функцию маски, подобной той, в качестве которой выступало у Пришвина слово «фольклор» в годы Гражданской войны (см. «Охота за счастьем»). Тексты-маски связаны с сознанием субъекта речи, представляющего официальную советскую точку зрения, то есть это идеологическая маска. В сущности, маска эта — «личина для дураков», столь различны позиции рассказчика-исследователя самого по себе и в маске.

---

²² Пришвин М. М. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. С. 164.

Очевидно, осознание двойной структуры «Башмаков» заставляет Пришвина написать в Дневнике: «Это лицемерная книжка. Я занимался “Башмаками”, потому что не хотел свое настоящее творчество ставить под удар крайней нужды (не хотел продаваться), но, взявшись за предметное описание для “чистого заработка”, я не мог это делать, как все просто описатели, а когда из этого получилось нечто, то я свой путь выхода из последнего рабства предлагаю как метод исследования. На самом же деле я верую, что одна действительно прекрасная строчка, получающаяся от свободного творчества, дороже всех башмаков на свете» (1.11.1925).

Функцию текстов-масок, включающих произведение (творчество) в советское идеологическое пространство, которому оно в целом противостоит, выполняли у Пришвина очерк «Ленин на охоте», вступительные статьи М. Горького, авторские предисловия в книгах «Моя страна» (1948), «Весна света» (1953), с использованием таких текстов написаны «Онего-Беломорский край» (1934), заключительные звенья (11—12) «Кашеевой цепи» (1953—1954), публицистические выступления писателя 1920—1950-х годов.

В 1920-е годы вышло два собрания сочинений Пришвина: в 7-ми томах (1927—1929) и в 6-ти томах (1929—1931). Шеститомник отличался от семитомника отсутствием «Журавлиной родины» и «Рассказов егеря», а также тем, что в последнем томе было помещено послесловие М. Григорьева «Пришвин и Берендеево царство», представляющее собой вариант его разгромной статьи о Пришвине 1930 года, опубликованной в журнале «На литературном посту». Связано это было, очевидно, с рапповской критикой Пришвина как «попутчика». Критика эта, сыграв отрицательную роль в становлении Пришвина — советского писателя, вместе с тем невольно укрепляла его неофициальную репутацию.

Первый том в обоих собраниях сочинений открывался вступительной статьей М. Горького и статьей Н. Замошкина «Писатель-Берендей». Обе они включали Пришвина в пространство новой, советской литературы, в которой к концу 1920-х годов он занял вполне определенное место. В Дневнике Пришвин пишет об этом в связи с одной из официальных публикаций в газете «Известия» (1928, 7 ноября, № 260): «Как зорко следит за писателями некий синклит и как точно распределяет их по ступеням революционной лестницы: я, например, оказываюсь в левом центре правого крыла значительной группы квалифицированной интеллигенции» (9.11.1928). К «левому центру» помимо Пришвина были отнесены Ю. Тынянов, Б. Пильняк, Л. Леонов, К. Федин. «Правый

центр» при этом представляли А. Толстой, В. Вересаев, С. Сергеев-Ценский, О. Мандельштам.

В семитомное собрание сочинений 1920-х годов помимо «Кашеевой цепи» (тт. 5, 6) и «Журавлиной родины» (т. 7) вошли охотничьи рассказы, в том числе «Ленин на охоте», рассказы о собаках, «старые рассказы» (так в 1927 году Пришвин назовет рассказы ремизовского цикла) (т. 1), книга путешествий (т. 2), фенологическая проза (т. 3), книга очерков (дореволюционных, военных и советских производственных). Состав и структура собрания сочинений, представлявшего все многообразие «литературы о Пане», в сознании «рядового» читателя рождали образ писателя, пишущего о природе, охоте и путешествиях.

С точки зрения современного литературоведения основной категорией сознания Пришвина в 1920-е годы становится жизнь, позиция его — философией жизни, или, по его словам, «оправдания бытия». В центре ее — идея творчества жизни (личного, социального, всеобщего), согласования творчества человеческого бытия с творчеством человеческого сознания. Позиция эта в различных ее аспектах лежит в основе всего творчества Пришвина 1920—1950-х годов.

Имея в виду именно эту концепцию, в 1978 году В. Кожинов напишет о том, что в творчестве Пришвина совершился «исключительно важный», «всемирно-исторический перелом в художественном видении самого соотношения человека и природы»²³.

Критика рубежа 1920—1930-х годов назовет творчество Пришвина «бегством», «бегством от живых людей», «от пролетарской общественности» (А. Ефремин²⁴), «бегством в пантеизм от разрешения социальных проблем» (М. Григорьев²⁵). Более объективно и точно определяют маргинальность положения Пришвина в советской литературе А. Лежнев и Д. Горбов в работе «Литература революционного десятилетия»: «Пришвин идет в литературе какой-то боковой тропой»²⁶. Статья Е. Тагера, написавшего в 1935 году в «Литературной энциклопедии» о том, что Пришвин-художник существует «в поисках какого-то третьего пути» (помимо буржуазного и революционного), по сути, придаст мысли об особом положении Пришвина в советской литературе официальный статус²⁷.

²³ Кожинов В. Время Пришвина // Пришвин и современность. М., 1978. С. 70.

²⁴ Ефремин А. Указ. соч. С. 221, 232.

²⁵ Григорьев М. Указ. соч. С. 60.

²⁶ Сб. Пролетарий. 1929. С. 56—58.

²⁷ Тагер Е. Пришвин М. М. // Литературная энциклопедия в 11 тт. Т. 9. М., 1935. С. 262.

Такое «маргинальное» положение Пришвина в советской литературе, которое, судя по Дневнику, он сам хорошо осознавал и, более того, сознательно выстраивал, было очевидным продолжением его позиции в начале XX века, когда он существовал в ситуации некоего «культурного промежутка» между символистами и реалистами, революцией и религией, не вставая ни в один литературный ряд.

1930-е годы в Дневнике Пришвина предстают как время, когда жизнь раскрылась «во всей своей жестокости и лжи» и человеку в его конкретной судьбе дана была «полнота ведения» и зла, и добра в самом себе и в мире. Вместе с тем это время очевидного официального признания Пришвина-художника.

В 1932 году, после семилетнего «выбивания» комнаты в Москве, он наконец получает московскую квартиру. В Дневнике об этом сказано: «Послал письмо самому. Жду чудес» (3.04.1932). Квартиру дали через три дня. При этом Пришвин пишет в Дневнике: «Стоять для всей видимости на советской позиции и в то же время не расходиться с собой и не заключать компромиссы с мерзавцами» (22.05.1932).

Осенью 1932 года в Дневнике появляется запись: «за спиной <...> ведется интрига, по всей вероятности, постепенно ввести меня в сутолоку наружного дела, быть может, даже и прославить, сделать “своим”, как Горького, и так обезличить и обезвредить. Ну, это шишь! Вся трудность состоит в том, чтобы уловить момент уклона своего от самого себя. Вот Горький на этом и попался» (23.10.1932).

В 1934 году Пришвин вновь вернется к этой теме: «В советское время меня <...> принимают за чужого, культурного человека и злы на меня, и почтительны, и тешатся тем, что вот “графа” или “князя” буржуазной литературы они используют, не подозревая, что я-то и есть настоящая русская шпана» (4.04.1934).

4 февраля 1933 года Пришвину исполняется 60 лет. В июле-августе 1933 года с сыном Петром он едет на Беломоро-Балтийский канал им. Сталина и Соловки. Книга об этой поездке будет опубликована в 1934 году. В 1937 году она будет переиздана тиражом 100 тысяч экземпляров.

В октябре 1933 года Пришвин получает машину и благодарит за нее Молотова. «Машина это все равно, что чин генерала. Машина, значит большевик <...> хамье из местного начальства становится почтительным» (Дневник. 24.11.1933).

В 1934 году «ЦК», как пишет Пришвин в Дневнике, заказывает ему сценарий фильма о любви советского гражданина к родной земле. Фильм «Хижина старого Лувена» был

поставлен режиссером А. Литвиновым на «Мосфильме» в 1935 году.

В 1939 году Пришвин получает орден «Знак Почета».

В 1936—1939 годах выходит собрание сочинений писателя. На этот раз оно состоит из четырех томов, однако, в основном, оно сохраняет состав произведений и структуру собрания сочинений 1920-х годов, включая в себя философскую прозу («Кашеева цепь», «Жень-шень», «Календарь природы»), а также охотничьи, детские рассказы и путешествия. Вместе с тем в этом собрании сочинений дважды (в 3 и 4 томах) публикуются письма М. Горького, а открывается оно книгой о Беломорско-Балтийском канале. Кроме того, тираж собрания сочинений значительно больше: тт. 1—2 — 15 тысяч экземпляров, тт. 3—4 — 10 тысяч экземпляров. Собрания сочинений 1920-х годов издавались тиражом 5 тысяч экземпляров (лишь 1 и 2 тома из шеститомника — 4 тысячи экземпляров).

В ряду произведений, изданных Пришвиным в 1930-е годы, начинает расти доля детских книг. Книги для взрослых в это время издавались 12 раз, книги для детей — 9 раз²⁸. Однако тиражи детских книг значительно превосходят тиражи «взрослых» книг. Так, «Журавлиная родина» в 1933 году издана тиражом 8200 экземпляров, в 1934-м — 5600 экземпляров. «Жень-шень» в 1934 году — тиражом 10 200 экземпляров, при этом в Дневнике Пришвин отметит: «О “Жень-шене” даже рецензии нет нигде» (26.04.1934). В 1936 году вместе с «Рассказами охотника» «Жень-шень» издается тиражом 50 тысяч экземпляров. Тиражи детских книг: «Зверь бурддук», 1935 — 100 тысяч экземпляров, 2-е издание — 50 тысяч; «Журка», 1938 — 200 тысяч экземпляров; «Белый ожерелок», 1939 — 100 тысяч экземпляров²⁹.

Тенденция превращения Пришвина в детского писателя, пишущего о собаках, охоте, природе и путешествиях, наметившаяся в 1930-е годы, будет возрастать в 1940—1950-е годы.

Несмотря на достаточно большие тиражи детских книг Пришвина, критики отмечают, что его детские рассказы «пользуются недостаточной популярностью»³⁰. «В детских библиотеках, — пишет В. Литвинов, — книги Пришвина —

---

²⁸ Русские советские писатели-прозаики в 7 тт. Т. 3. Л., 1964. С. 688—698.

²⁹ Тиражи приводятся по данным Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

³⁰ Литвинов В. Пришвин для детей // Детская литература. 1935. № 6. С. 11.

товар неходкий. Они не могут выдержать конкуренции с Чарушиным, Бианки, Перовской»³¹.

Критик объясняет это тем, что чтение детских рассказов Пришвина «требует от читателя известного рода подготовки, культуры». С его точки зрения, у Пришвина есть среди детей свои читатели — это ребята-туристы, географы, следопыты, охотники, юннаты. Однако, по мнению В. Литвинова, Пришвин нужен всем детям: «Как раз чтение произведений такого большого мастера литературы, как Пришвин, может воспитать в ребенке культурного читателя»³². Очевидно, что Пришвин также достаточно маргинален и в советской детской литературе.

В 1940—1950-е годы увеличивается разрыв между реальным содержанием творчества Пришвина и его репутацией советского писателя.

Духовный переворот 1937—1940 годов приводит Пришвина к переоценке его «литературы о Пане» и признанию искусства как служения Слову, «творящему на земле из хаоса новую природу, не подверженную смерти» (18.01.1942). В произведениях 1940—1950-х годов для Пришвина особенно значимым, как и в начале XX века, будет религиозное осмысление природы и человека, усложняющее его взгляд на природу охотника, фенолога, исследователя, доминирующий в его творчестве 1920—1930-х годов.

Кроме того, от неучастия в современности, свободы «поверх красных и белых», от противопоставления «я» и «они» Пришвин в этот период приходит к понятию «мы» («Мы с тобой»), личной ответственности за происходящее и необходимости участия собственным делом художника в деле «нашем», чтобы «наше дело» по-своему вести «к лучшему». С этим связано появление новых акцентов в «писательской стратегии» Пришвина, обращающего свое творчество «ко всем хорошим людям», к читателю-другу.

Последнее прижизненное собрание сочинений писателя было шеститомным. Оно включало в себя «Жень-шень», «Календарь природы», охотничьи и детские рассказы, а также путешествия. В связи с изданием двухтомника Пришвин записывает в Дневнике: «...после трактора на вспаханном поле не остается ни одной перепелки. И так тоже подумалось о своих сочинениях в советское время: как постепенно запахивалась возможность их издавать. Было раньше до 150 листов в собрании, а в последнем двухтомнике едва натянули 60 листов.

³¹ Литвинов В. Указ. соч. С. 12.

³² Там же. С. 13.

Между тем я все писал. Куда же девалось написанное? Очевидно, тоже запахивалось и мое поле. Неужели же все западут...» (24.09.1951).

Вместе с тем 1940—1950-е годы — время наибольшей известности Пришвина, который воспринимается главным образом как детский писатель, пишущий о природе, охоте и путешествиях.

Пиком его славы детского писателя стала победа в конкурсе на лучшую книгу для детей, объявленном в 1945 году Министерством просвещения РСФСР. «Кладовая солнца» не только была опубликована в журнале «Октябрь», но и в 1946 году вышла в Детгизе тиражом 150 тысяч экземпляров, а в издательстве «Правда» — 100 тысяч экземпляров. Успех «Кладовой солнца» сыграл, видимо, немалую роль в том, что в 1946 году Пришвин был награжден медалью «За трудовую доблесть».

«Взрослые» книги Пришвина в 1940—1950-е годы издавались 14 раз, детские — 28 раз, из них 2 изданы до 1945 года, а 26 — после. При этом детские книги издавались значительно большими тиражами: «Лисичкин хлеб», 1947 — 100 тысяч экземпляров, «Ребята и утята», 1950 — 300 тысяч экземпляров, «Еж», 1952 — 200 тысяч экземпляров, «Золотой луг», 1952 — 500 тысяч экземпляров. С 1940 по 1954 год детские книги Пришвина, по моим неточным, видимо, подсчетам, издавались общим тиражом не менее 3 600 000 экземпляров. Детгиз издает книги Пришвина в самых массовых сериях: «Школьная библиотека» (1947); «Книга за книгой» (1946); «Школьная библиотека для нерусских школ» (1949); «Мои первые книжки» (1958); «Библиотечка детского сада» (1952). Это было, по сути, «производством в классики» (И. Н. Розанов), большую роль в котором, помимо издателей и критиков, играют составители школьных и университетских программ, а также преподаватели литературы³³.

Очевидно, что в 1940—1950-е годы идет процесс канонизации Пришвина — детского писателя, он становится писателем хрестоматийным. В результате детские произведения Пришвина до сих пор изучаются в начальной школе и 6-м классе средней школы, чему нельзя не порадоваться. Вместе с тем остается сожалеть, что современные школьные программы исходят из официального представления о писателе более чем полувекковой давности, не учитывают реальной сложности его творчества.

В 1940—1950-е годы книги Пришвина, чаще всего дет-

---

³³ Розанов И. Н. Указ. соч. С. 89—108.

ские, издаются в целом ряде провинциальных издательств: в Иркутске (1949), Свердловске (1953), Ярославле (1949), Петрозаводске (1950), Ростове-на-Дону (1950), Куйбышеве (1951), Вологде (1951). Это также свидетельствует о широкой, всенародной известности Пришвина.

Юбилеи Пришвина позволяют уточнить характер его официальной репутации. К 70-летию Пришвина в 1943 году появилось две публикации, причем одна называлась «Певец земли русской», а другая появилась в газете «Дружные ребята»³⁴. По случаю 75-летия Пришвина в феврале 1948 года появилось уже шестнадцать публикаций, в основном с заглавиями «Писатель-географ», «Певец русской природы», «Чудесный путешественник». Появились они главным образом в детских журналах и газетах («Пионерская правда» — три публикации, «Мурзилка», «Пионер», «Дружные ребята», а также «География в школе», «Вокруг света», «Смена», «Огонек»)³⁵.

В 1953 году 80-летию Пришвина было посвящено только десять публикаций (пик его славы, связанный с «Кладовой солнца», прошел), также прежде всего в детских газетах и журналах. К уже известным формулам творчества Пришвина (после выхода в свет в 1948 году книги «Моя страна») добавилась еще одна — «Певец своей страны». Впервые о юбилее писателя рассказала газета «Правда»³⁶. Очевидно, что официально Пришвин был признан прежде всего как пишущий о природе, охоте и путешествиях детский писатель.

В опубликованном в 1953 году очерке жизни и творчества Пришвина Н. Смирнов утверждал: «Роман “Кашеева цепь”, художественно-краеведческие очерки и охотничьи рассказы сделали имя Пришвина популярным в широких читательских кругах». Он сообщал также, что «советские географы присвоили имя Пришвина горному пику на Кавказе и мысу на Курильских островах»³⁷. В журнале «Огонек» в связи с юбилеем Пришвина констатировалось: «Михаил Пришвин — один из наиболее читаемых писателей нашей страны»³⁸.

В начале 1930-х годов Пришвин, осознавая свое положение писателя, существующего между официальной и неофициальной литературой, писал: «Как сделать, чтобы, не уступив ничего из себя, завоевать широкого читателя?»

Это было всегда моим сокровенным желанием, прикрытым формулой Мережковского “что пошло, то пошло”. Охотни-

³⁴ Русские советские писатели-прозаики. Т. 3. С. 716.

³⁵ Там же. С. 716, 717.

³⁶ Там же. С. 717.

³⁷ Смирнов Н. П. Указ. соч. С. 23, 43.

³⁸ Арамилев И. Вдохновенный художник // Огонек. 1953. № 8. С. 30.

чи и детские рассказы мои были в опровержение этого демони́зма и в особенности «Корень жизни»» (23.01.1934).

Факты свидетельствуют о том, что «сокровенное желание» Пришвина в 1940—1950-е годы осуществилось, причем не за счет уступок официальным требованиям. Подводя итоги собственного писательского пути, Пришвин запишет в Дневнике: «Я думаю, что значение моих книг и у нас и дальше — в моем устремлении к детству»³⁹. Детство у Пришвина — это и вполне конкретное, реальное детство человеческое, возрастное поведение и состояние души. О таком детстве написаны «Курымушка», «Рассказы о ленинградских детях», «Кладовая солнца». К такому ребенку обращена главная детская книга писателя «Золотой луг» (1948), состоящая из 93 рассказов. В первой его детской книге «Матрешка в картошке» (1925) было всего девять рассказов. Создание книг для детей Пришвин считал не просто «службой ребенку» (19.11.1937), но и делом жизни. «Дело жизни — дело охраны дитяти», — писал он (Дневник. 15.12.1937).

Вместе с тем детство, дитя превращаются у Пришвина в сложнейшую поэтически-философскую категорию. В таком случае он говорит об «универсальном духовном ребенке», которого хранит в своей душе каждый взрослый. К этому ребенку обращено все творчество Пришвина.

Официальное признание Пришвина как пишущего о природе, охоте и путешествиях детского писателя свидетельствует, в сущности, о маргинальном положении Пришвина в советской литературе 1940—1950-х годов. Если в 1920-е — начале 1930-х годов пристрастие к теме природы вменялось ему в вину, то в это время и в последующие годы оно будет интерпретироваться как черта своеобразия Пришвина-художника. Таким образом, он сумел отстоять право на свой путь в литературе, как бы он ни назывался критиками — «боковым», «третьим» и т. д.

Путь этот продолжал «одинокое стояние» Пришвина в литературе начала XX века и отвечал природе дарования писателя, нашедшего отвечающую его собственному дару форму жизни, которую он называл пустынножительством. «Я с тех пор, как начал писать, жил в пустыне», — пишет он, открывая сходство собственной жизни с пустынножительством Серафима Саровского⁴⁰.

---

³⁹ Пришвин М. М. Из дневников последних лет // Пришвин М. М. Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. М., 1957. С. 666.

⁴⁰ См. об этом в Дневнике: 8.04.1942; 18.07.1941; 20.12.1941; 4.10.1945; 13.05.1948 и др.

Осознавая свой особый путь в советской литературе, Пришвин называл себя «экстерриториальным писателем» (5.09.1949) и «советским юридивым». «...Мое особое мнение, производившее шум, — писал он, — в конце концов приносило мне пользу, создавая хорошее положение советского юридивого, и обеспечивало тайное уважение всех. Я сделал в советское время редкую карьеру независимого человека»⁴¹.

Не случайно Пришвин так любил гоголевского Вакулукузнецца, сумевшего не только «обороты», но одурачить и использовать в своих целях врага рода человеческого.

Важно подчеркнуть, что экстерриториальность Пришвина в советской литературе хорошо осознавалась не только в рамках культуры официальной, но и неофициальной. Приведем выдержку из письма известного литературоведа Н. Я. Берковского к М. М. Бахтину (от 18.01.1956), свидетельствующую об исключительно высокой неофициальной репутации Пришвина: «Когда еще был жив Михаил Пришвин, протазники посылали ему свою прозу и поджидали, что он скажет, ибо тайное мнение было такое: один Пришвин — “настоящий”. Так и о Вас считают пишущие о литературе, и это случилось слышать от людей самых разных, когда они вдруг позволяли себе искренность»⁴². Столь уважительное «тайное мнение» современников о Пришвине и Бахтине позднее позволило В. Хализеву назвать их китежанами XX века⁴³.

Очевидно, что у Пришвина-человека не было в советские времена двух репутаций: официальной и неофициальной, а была одна репутация писателя, последовательно отстаивающего свое право быть самим собой.

* * *

В посмертной литературной судьбе Пришвина отчетливо выделяются два периода: советский и постсоветский.

Границами первого является выход в свет шеститомного собрания сочинений Пришвина 1956—1957 годов и восьмитомного собрания сочинений 1982—1986 годов. Уже данные об их тиражах — 90 и 150 тысяч экземпляров — свидетельствуют о возрастающей общественной значимости творчества писателя.

---

⁴¹ Цит. по: Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С. 68.

⁴² Цит. по: Бахтин М. М. Собр.соч. В 7 тт. Т. 2. М., 2000. С. 514.

⁴³ Хализев В. Е. Опыты преодоления утопизма // Постсимволизм как явление культуры. Материалы международной конференции. М., 1995. С. 12—17.

Литературная репутация Пришвина в этот период складывается под воздействием двух тенденций: первая связана с издательской политикой государства, поддерживающей официальную репутацию Пришвина, вторая — с корректировкой этой репутации, на которую направлена, в частности, научная, просветительская, издательская деятельность В. Д. Пришвиной.

Данные библиографического указателя «Посмертные публикации произведений М. М. Пришвина (1954—1977)» свидетельствуют о том, что за 23 года детские книги Пришвина издавались 47 раз, взрослые — 26 раз⁴⁴. Тиражи детских книг в это время, как и в 1940—1950-е годы, значительно превосходят тиражи взрослых книг. Так, Детгиз издает книгу «Еж» (1958) тиражом 1,5 млн экземпляров, «Луговку» (1957) — 500 тысяч экземпляров, «Три рассказа» (1962) — 400 тысяч экземпляров.

Указатель также свидетельствует о том, что Пришвина по-прежнему издает провинция: Вологда, Петрозаводск, Владивосток, Хабаровск, Ярославль и др.

Маргинальность положения Пришвина в советской литературе подчеркивается, в частности, и тем, что его произведения часто публикуют нелитературные журналы и альманахи: «Юный натуралист», «Охотничьи просторы», «Охота и охотничье хозяйство».

Пришвин по-прежнему остается одним из самых читаемых советских писателей. В связи со столетием со дня рождения Пришвина в 1973 году П. Выходцев констатирует: «Страна “отметила” юбилей писателя»⁴⁵. Этому событию была посвящена также Всесоюзная научная конференция, проведенная Пушкинским домом АН СССР. Затем подобные конференции стали проходить регулярно: в Орле, Москве, Ельце, Тюмени. Все это свидетельствует о статусе классика, который приобретает Пришвин.

Деятельность В. Д. Пришвиной была направлена прежде всего на то, чтобы сделать доступным читателям творчество писателя в полном (насколько это было возможно) объеме. С этим связана ее работа над опубликованием произведений, не издававшихся при жизни Пришвина, в том числе и его Дневника.

Собрание сочинений 1956—1957 годов, подготовленное при непосредственном участии В. Д. Пришвиной, в сущнос-

---

⁴⁴ Рязанова Л. А. Посмертные публикации произведений М. М. Пришвина (1954—1977) // Пришвин и современность. М., 1978. С. 306—329.

⁴⁵ Пришвин и современность. С. 5.

ти, открывало читателю нового Пришвина и закладывало основы его посмертной репутации как писателя «неопубликованного», «неоткрытого», «неизвестного».

Шестистомник открывается вступительной статьей К. Паустовского, а не Горького — заканчивается история «Пришвина им. Горького». В нем впервые издается философская проза позднего Пришвина: «Повесть нашего времени», «Корабельная чаша», «Осударева дорога», «Глаза земли» — и начинается публикация Дневника писателя. Отзывы на выход в свет собрания сочинений корректируют прижизненную советскую репутацию Пришвина: «Поэт и мудрец» назовет свою рецензию И. Мотышов; в авторитетном журнале «Русская литература» Г. Шабельская осмысляет появление «нового собрания сочинений» писателя (1959. № 2. С. 244—247).

Восьмитомное собрание сочинений писателя, ставшее итогом 25-летней работы В. Д. Пришвиной по изданию его неопубликованных произведений и впервые представившее читателю «Мирскую чашу», «Голубое знамя», «Натаску Ромки», «Дневники 1905—1954 гг.», ставило целью также восстановление авторских текстов, искаженных редакторами⁴⁶. Как и собрание сочинений 1956—1957 годов, как многочисленные работы В. Д. Пришвиной, оно формировало репутацию Пришвина как писателя «неоткрытого» и «неизвестного».

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ПРИШВИНА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В начале постсоветского периода, в эпоху радикального пересмотра репутаций советских писателей, когда положительные оценки менялись на отрицательные и наоборот, Пришвин подвергается переоценке с двух точек зрения.

Во-первых, с точки зрения осмысления его творчества в русле неофициальной литературы. В этом случае Пришвин предстает как «возвращенный писатель». Во-вторых, с точки зрения переосмысления его успеха в рамках официальной советской литературы. Позиция Пришвина при этом рассматривается как «бунт и примирение»⁴⁷, «акт капитуляции», а «Осударева дорога» интерпретируется как единственный роман во славу Беломорканала⁴⁸.

⁴⁶ Рязанова Л. А. Об освоении литературного наследия М. М. Пришвина // Михаил Пришвин и русская культура XX в. Тюмень, 1998. С. 4—9.

⁴⁷ Кузнецов Ф. Бунт и примирение Михаила Пришвина // Наше наследие. 1990. № 2. С. 83, 84.

⁴⁸ Злобина М. «И остается самим собой?» // Новый мир. 1990. № 8. С. 248—251.

В постсоветский период продолжается публикация неизданных произведений писателя: выходит в свет «Мы с тобой» (1996), начинается систематическая публикация Дневника писателя, объем которого (600 п. л.)⁴⁹ значительно превосходит объем самого полного, восьмитомного, собрания его сочинений. Дневники 1914—1918 годов издаются «Московским рабочим» тиражом 21500 экземпляров, а Дневники 1923—1925 годов «Русской книгой» — всего лишь тиражом 2 тысячи экземпляров.

Сам факт продолжающегося издания неопубликованного Пришвина, а также произведений В. Д. Пришвиной устойчиво сохраняет и поддерживает его репутацию как писателя неизвестного и неоткрытого. Эту репутацию вольно или невольно укрепляют критические и литературоведческие работы о писателе. Так, книги Ю. Селиверстова⁵⁰ и Г. Гачева⁵¹ включили творчество Пришвина в контекст религиозно-философской мысли от П. Чаадаева, К. Леонтьева, В. Соловьева до А. Лосева и М. Бахтина. А. Эткин рассмотрел произведения писателя в контексте культуры серебряного века, с точки зрения проблемы взаимосвязи сектантства, литературы и революции⁵². Благодаря усилиям многих современных исследователей (Я. Гришиной, Г. Климовой, Н. Полтавцевой, Н. Борисовой, Т. Гринфельд и мн. др.) Пришвин заново осмысливается в контексте литературы начала XX века, христианской и мифологической традиции, экологического реализма, философии любви, модерна и постмодерна и т. д.⁵³. Вместе с тем возникает ощущение неуловимости Пришвина-художника, заставляющее вспомнить знаменитую эпитафию Г. Сквороды: «Мир ловил меня, но не поймал».

Последнее, двухтомное собрание сочинений Пришвина появилось в 2001 году (тираж 20 тысяч экземпляров). Оно опубликовано в рамках проекта «Библиотека Московского городского педагогического университета» и, по сути, включает творчество Пришвина в национальный образовательный и культурный канон. Двухтомник представляет произведения Пришвина, которые стали, как сказано в Комментарии⁵⁴, классикой русской и советской литературы и, что особенно

---

⁴⁹ *Рязанова Л. А.* Об освоении литературного наследия М. М. Пришвина. С. 7.

⁵⁰ *Селиверстов Ю.* ...Из русской думы. М., 1995.

⁵¹ *Гачев Г.* Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М., 1991.

⁵² *Эткин А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998.

⁵³ Менее всего понятным остается, к сожалению, творчество Пришвина советского периода.

⁵⁴ *Пришвин М. М.* Мирская чаша. С. 635.

важно, всегда были востребованы читателем. Помимо философской прозы («Мирская чаша», «Жень-шень», «Лесная капель», «Повесть нашего времени» и др.) в двухтомнике много рассказов Пришвина, что восстанавливает права Пришвина-рассказчика, который в последние несколько десятков лет был несправедливо отодвинут на периферию собственного творчества.

Возможно, это начало нового этапа литературной судьбы Пришвина.

В современной же отечественной культуре для так называемого серьезного читателя, в среде интеллигенции он, видимо, существует с репутацией неуловимого и неоткрытого классика. В сознании массового читателя, чье знакомство с Пришвиным связано прежде всего со школой, он по-прежнему остается «писателем, пишущим о природе, охоте и путешествиях»⁵⁵. Впрочем, подобная неоднозначность отвечает самой природе классики, которая в новое и новейшее время перестала быть «образцом устойчивости в изменении» и «лишена какой бы то ни было смысловой однозначности»⁵⁶, что делает ее судьбу во времени непредсказуемой.

---

⁵⁵ Современные издатели, работающие на массового читателя, к сожалению, пока не открыли любимые многими поколениями читателей пришвинские рассказы о природе, собаках и охоте.

⁵⁶ Дубин Б. Слово — письмо — литература. С. 309.